

Павел Александровский

Путь Самурая: Сквозь
Тропу Абсурда

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Павел Александровский

Путь Самурая.

Сквозь Тропу Абсурда

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=73419658

SelfPub; 2026

Аннотация

В саду где цветёт сакура, у пруда время текло как мёд.
Пока однажды оно не превратилось в пепел.
Свиток. Иероглифы. И приказ императора: «Вперёд, ёпт!»
Теперь катана самурая Тоямы Токанавы – лопата. Враги –
булыжники, дороги, тропы. А новый кодекс чести называется
«бусидо ровного пути».

В компании троих таких же счастливиц из Школы Ровного
Пути ему предстоит:

- победить Непоколесимый Булыжник,
- выжить после встречи с Прекрасной Дамой на белом коне,
- и понять главное: настоящий враг воина в эпоху мира – не
другой клинок, а ухаб на дороге, ведущей к дому.

Это не история о битвах. Это история о том, что происходит
после.

О смехе и тишине. О братстве. И о лебедях, которые ждут.

Содержание

ЭПИГРАФ	4
ПРЕДИСЛОВИЕ ОТ ПОВЕСТВОВАТЕЛЯ	5
ГЛАВА ПЕРВАЯ: САД, ГДЕ СПЯТ КЛИНКИ	6
ГЛАВА ВТОРАЯ: ПОСЛАНИЕ, ПАХНУЩЕЕ ПЕПЛОМ	9
ГЛАВА ТРЕТЬЯ: ОРУДИЕ. НЕ ПЕРВОЕ, НО ГЛАВНОЕ	11
СТРАЖИ ПРУДА	14
ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ: КАМЕНЬ, НЕ ЗНАЮЩИЙ О БУСИДО	17
ГЛАВА ПЯТАЯ: СМЕКАЛКА И УМЕНИЕ ДОГОВАРИВАТЬСЯ	21
Конец ознакомительного фрагмента.	23

Павел Александровский

Путь Самурая.

Сквозь Тропу Абсурда

ЭПИГРАФ

«Настоящий враг воина в эпоху мира – не другой клинок, а ухаб на дороге, ведущей к дому».

– Старая поговорка Школы Ровного Пути

ПРЕДИСЛОВИЕ ОТ ПОВЕСТВОВАТЕЛЯ

Это история о любви. О любви к суровой красоте кодекса, к шепоту камней в саду и к упрямой человечности, что всегда найдет способ выжить – даже если для этого придется обменять клинок на заступ. Все имена и царства здесь – плод почтительного воображения, стилизация и дань уважения духу, а не букве великой традиции. Пусть же наш совместный путь будет ровен и полон неожиданных поворотов.

ГЛАВА ПЕРВАЯ: САД, ГДЕ СПЯТ КЛИНКИ

В городе Нагасаки, под сенью мирного правления императора Ёримото Тогунавы, текла жизнь, размеренная и сладостная, как мед. Время, что когда-то звенело сталью и криками сражений, теперь текло неспешно, словно вода в ручье. Каждый находил свой покой: торговец торговал, рыбак ловил рыбу, ремесленник создавал свои горшки.

А самурай Тояма Токанава... просто жил. Он давно снял доспехи, пахнущие порохом и потом, и повесил свою катану в дальней комнате, на стену из темного дерева. Он надеялся, что клинок, видевший столько смертей, навсегда уснет в своих ножнах.

Он построил дом не для защиты от врагов, а для уюта. Но главным его детищем был сад. Сад для умиротворения, где он проводил дни напролет. Это был не просто участок земли, это была его душа, выплеснувшаяся наружу.

Сад был невероятно атмосферный. В его центре находился скромный, но безумно красивый пруд, словно кусок неба,

упавший на землю. Вода была чиста и прозрачна, а поверхность ее была покрыта ковром из кувшинок и лилий. Частыми гостями, почти хозяевами этого пруда, были два прекрасных белых лебедя. Они скользили по воде с невозмутимым величием, и Тояма мог часами наблюдать за их грацией, находя в ней отголосок былой самурайской выдержки.

По берегам склонялись ветви вишневых деревьев сакуры, которые весной устраивали нежный розовый снегопад. Воздух был напоен ароматом цветов разных видов и названий – пионов, ирисов, хризантем. Они не кричали о своей красоте, а тихо шептали о ней, создавая ту самую невероятную гармонию, ради которой всё и затевалось.

Тояма, сидя на веранде своего дома, пил зеленый чай и слушал. Слушал плеск воды, шелест листьев, крики лебедей и тишину. Он отдавал этому всего себя, пытаясь смыть с души память о клинках и крови.

Но однажды утром спокойствие было нарушено.

В саду что-то изменилось. Лебеди, обычно спокойные, метались по пруду, тревожно перекликаясь. Воздух, обычно напоенный сладкими ароматами, принес с собой едва уловимый, но знакомый до боли запах – запах пепла. Тояма вышел в сад и замер. На идеально подстриженном мхе, у корней пышной сакуры, лежал маленький, аккуратно свернутый свиток, перевязанный черной шелковой нитью.

Его пальцы, привыкшие к мягкой земле и нежным лепесткам, на мгновение онемели. Сердце, затихшее за годы покоя, забилось с той старой, лихорадочной частотой. Он знал, что означает этот свиток.

ГЛАВА ВТОРАЯ: ПОСЛАНИЕ, ПАХНУЩЕЕ ПЕПЛОМ

Тояма вскрыл печать свитка с грацией, приличествующей самураю (то есть поддел её ногтем и ругнулся, когда посадил занозу), и приступил к чтению. Его взгляд скользил по иероглифам, а лицо постепенно менялось от любопытства к недоумению, затем к ужасу и, наконец, остановилось на выражении полного, беспросветного, абсолютного...

Тояма Токанава стоял как вкопанный. В руке он сжимал злополучный свиток, а в голове бушевал ураган из самурайской чести и простого, человеческого «а не пошли бы вы...».

– Как же так? – прошептал он. – Не готов я покинуть свой сад и дом! Я ленив, как пыль на комодe! Я ленив, как плед, в который завернулся в прохладный вечер! Я не хочу делать ничего! Я и так жизнь положил в прошлом сражении, психика моя не выдержит, сколько ж можно?!

Текст был таков:

«Я, правитель Японии, Император Сёгун Ёримото Тогунанава, призываю тебя, легендарный воин – самурай Тояма Токанава, к немедленному сбору! Оставь праздность, воору-

жайся, облачайся в доспехи и вперед, ёпт, сражение ждет тебя! Вперед, самурай, твоё оружие пора применить в сражении! Залатай раны, избавь от хаоса чертоги нашей империи! Да будет путь подданных наших ровен и прекрасен! СИГ-МА!»

ГЛАВА ТРЕТЬЯ: ОРУДИЕ. НЕ ПЕРВОЕ, НО ГЛАВНОЕ

С мрачной решимостью, достойной лучшего применения, он побрел в ту самую дальнюю комнату, где на стене висела его катана. Но его рука, привыкшая к траектории удара, прошла мимо изящной рукояти меча. Вместо этого его пальцы с мертвой хваткой впились в древко совершенно другого реликта.

От стены отделилась она. Длинная, с заостренным, слегка затертым лезвием, отполированная до матового блеска годами бездействия. Его вторая, не менее легендарная катана. Лопата.

Пыль с неё слетела пушистым облаком. Тояма взмахнул ею в воздухе, отработывая давно забытые движения. Лезвие со свистом рассекло воздух.

– Ну что ж, старая подруга, – с горькой усмешкой произнес он, глядя на смертоносный инструмент. – Наше время вновь пришло. Настоящий самурай должен видеть красоту в ровной дороге, а его оружие должно быть под стать задаче.

Он вышел в сад, волоча лопату за собой, как суровый призрак прошлого. Доспехи скрипели от негодования. Вместо мануала с изящными иероглифами перед его мысленным взором проплывали чертежи откосов и дренажных канав.

– Это фиаско... Ладно, Ёримото, – вздохнул он, перекидывая лопату на плечо с видом воина, идущего на верную смерть. – Но знай: я не просто канаву копать иду. Я совершаю лопато-дзюцу. Каждая яма, что я залатаю, будет ударом Школы Ровного Пути. А каждая облагороженная канава... станет шедевром.

Он сделал шаг и остановился.

Пруд молчал. Лебеди застыли, втянув шеи, – два белых изваяния на тёмной воде. Тояма смотрел на них и вдруг увидел не эту гладь, а другую. Мутную. Красную у берега.

Тогда тоже были лебеди.

Он зажмурился. Но память не спрашивала разрешения.

Замок горел. Крики тонули в треске бамбука. Он сидел в осоке, прижимая к груди левую руку – та была мокрой и горячей. А напротив, на воде, среди отражённого пламени, плыл лебедь. Белый. Спокойный. словно ничего не случилось. словно мир не рухнул.

«Ты тоже выжил», – подумал Тояма тогда. Лебедь не ответил.

Тояма открыл глаза. Настоящий лебедь – Акихиро – медленно повернул голову и посмотрел на хозяина. Без укора. Без вопроса. Просто смотрел.

– Я вернусь, – сказал Тояма вслух.

И шагнул за ворота.

И под сочувствующие взгляды двух лебедей Тояма Токанава, великий самурай-землекоп, покинул свой рай. Его бусидо было непоколебимо, его лопата – остра, а лень – тихо и горько плакала в углу его души. Вперед, ёпт!

СТРАЖИ ПРУДА

В саду Тоямы Токанавы царила непривычная тишина. Не та благородная тишина созерцания, которую так лелеял хозяин, а тревожная, пустая. Даже два белых лебедя, Акихиро и Юкико, скользили по пруду как-то неуверенно, озираясь на пустую веранду.

Акихиро, тот что был крупнее и вальяжнее, внезапно щелкнул клювом.

– Он забыл нас покормить сегодня утром, – заявил он на своем лебедином языке, полном шипящих и гортанных звуков.

– Он не забыл, – мягко возразила Юкико, поправляя крылом перо. – Он ушел. Чувствуешь? Воздух больше не вибрирует от его вздохов. Камни в саду спят спокойно.

Они подплыли к тому месту у воды, где Тояма всегда сидел со своей чашкой чая. Там лежал забытый, чуть влажный от росы лист сакуры.

– Он брал с собой ту... длинную блестящую палку? – поинтересовался Акихиро, имея в виду лопату.

– Нет, – Юкико покачала изящной шеей. – Она всё еще в углу у циновки. А вот другая... та, что пахнет старым стра-

хотом и льдом... она сегодня утром запела.

Оба лебедя замерли, вспомнив. Тихий, едва слышный звон, доносящийся из дальних комнат. Звук, от которого по воде расходились мелкие, нервные круги.

– Ей снится, что она снова в его руке, – прошептала Юкико. – Ей снится, что она решает, кому жить, а кому – нет. И она не понимает, почему её мир сузился до четырех стен, а не широкой дороги.

Акихиро флегматично хлопнул крылом.

– Глупая палка. Наша дорога – это вода. Она и так идеально ровная. Если, конечно, не считать карпов. Надо бы этих карпов...

– Тише, – прервала его Юкико. – Не в этом дело. Дело в том, что наш человек пошел выравнивать что-то другое. Что-то большее. И мы должны держать пруд в совершенном порядке. Чтобы, когда он вернется... ему было куда опустить глаза и найти покой.

И они принялись скользить по воде с удвоенным, почти церемонным старанием, выписывая безупречные круги на тёмной глади. Два живых иероглифа, означающих «ожидание» и «верность» на языке, который понимают только лебеди, да, возможно, один ушедший самурай, если очень прислушается в тишине между ударами своей лопаты.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ: КАМЕНЬ, НЕ ЗНАЮЩИЙ О БУСИДО

И вот, после долгих дней похода (которые на деле были парой часов вялой ходьбы до окраин Нагасаки), Тояма Тока-нава столкнулся со своим истинным противником. Не с другим самураем, не с бандитом, не с духом. Перед ним возлежал Булыжник.

Это был не просто камень. Это был монолит. Глыба. Исполинский, гладкий, вьёвшийся в самую середину дороги так, будто пустил корни до самого центра земли. Он был непоколебим. Он был нагл. Он насмешливо блестел на солнце, словно броня демона.

Вокруг него расходилась целая сеть трещин и ям – его свита и верные слуги.

Тояма оценивающе смерил взглядом камень. Камень, казалось, смерил взглядом его. Воздух накалился.

– Итак, ты тот, кто разбивает колеса и ломает хрупкие телеги мирных торговцев, – произнес Тояма, обнажая свою лопату. Лезвие блеснуло. – Твоему господству на этой доро-

ге пришел конец. Я, Тояма Токанава, мастер лопато-дзюцу, низвергну тебя!

Он стоял перед камнем, и тишина между ними была гуще утреннего тумана. Тояма вспомнил наставления старого мастера Колеято Ваканава, чей голос теперь звучал в его голове, как назойливая муха:

«Враг, Тояма, – это не тот, кто стоит напротив. Враг – это твое собственное дыхание, сбившееся с ритма. Успокой дыхание – и ты увидишь нить, за которую можно дернуть, чтобы весь клубок распутался».

– Отлично, сэнсэй, – мысленно буркнул Тояма. – А где тут нить у этого куска гранита? Он похож на спящего кабанчика, и клубка у него не наблюдается.

Он начал не с атаки, а с осмотра. Обошел булыжник три раза, щупая ногой землю вокруг. Земля была твердой, утрамбованной тысячами ног, но с одной стороны, с восточной, под слоем пыли чувствовалась рыхлость – следы старого, давно засыпанного корня.

«Слабость редко бывает в самой твердыне, – всплыл еще один урок. – Чаше она в фундаменте, который её держит. Подкопай фундамент – и крепость сама упадет тебе в руки».

– Значит, так, – пробормотал Тояма, и в его голосе про-

звучала первая за много лет нотка азарта, того самого, что предшествует схватке. – Ты не просто лежишь. Ты опираешься. И твоя опора... вот здесь.

Впервые за долгие годы он почувствовал, как тело само вспоминает старые, вытренированные до автоматизма движения. Только теперь они вели не к удару катаной по шее, а к точному вонзанию лопаты в грунт под определенным углом.

Он принял стойку «Журавль, готовящийся к копке». Его движения были отточены годами: точный удар носком лопаты под ребро камня, чтобы оценить врага. Тыгыдык! – только искры и звон металла. Булыжник не дрогнул.

– Упрямый... – сквозь зубы процедил самурай. – Но я знаю твою слабость. У каждого камня есть слабость!

Он сменил тактику. Техника «Вихрь осенних листьев» – серия быстрых ударов лопатой по грунту вокруг камня, чтобы подкопать его основание. Пыль взметнулась вихрем, словно торнадо. Земля отступала, но камень, казалось, лишь глубже укоренялся.

Прошли часы. Солнце стояло в зените. Доспехи Тоямы превратились в раскаленную душегубку. Пот заливал глаза. Его руки ныли и дрожали.

В голове зазвучал голос лени, тихий и манящий: «Брось это. Вернись к пруду. Пусть камень лежит. Это же просто камень...»

Но тут взгляд Тоямы упал на иероглифы на рукояти его лопаты. Выцветшие, но знакомые: «Терпение и правильный угол решают всё». Это была не просто надпись. Это была суть его нового бусидо.

ГЛАВА ПЯТАЯ: СМЕКАЛКА И УМЕНИЕ ДОГОВАРИВАТЬСЯ

Он выпрямился. Отложил лопату. Сделал глубокий вдох, созерцая врага. Он перестал видеть в нём просто препятствие. Он увидел его форму, его центр тяжести, едва заметную трещину с одной стороны.

– Хорошо, – тихо сказал Тояма. – Не силой, так умом. Не грубой мощностью, так... рычагом.

Он нашел длинную, прочную палку, оставленную кем-то из путников. Подсунул её в выкопанную яму под камень. Это был не меч, не копьё. Это был дзё – посох монаха-воина, орудие мира, превращенное в инструмент стратегии.

– Икигай твоего существования, о камень, окончен, – провозгласил Тояма. – Ты защищал дорогу от эрозии? Благодарю. Но теперь ты сам стал эрозией. Прощай.

Он налег всем весом на рычаг. Древесина затрещала, но выдержала. Мускулы напряглись, сухожилия запели старую песню битвы. И случилось чудо.

Непоколебимый булыжник, с тихим, почти уважительным скрежетом, сдвинулся. Перевернулся на бок. И покатился в придорожную канаву, где и улегся с видом поверженного, но достойного генерала.

Тояма стоял, опираясь на лопату, тяжело дыша. Перед ним лежала ровная земля, готовая принять щебень. Победа. Не громкая и кровавая, а тихая, упорная, практичная.

Он кивнул камню в канаве – знак уважения стойкому противнику. Внезапно в горле встал ком. Не от усталости. От узнавания. Последний раз такой же кивок – едва заметный, лишь движением брови – он послал другому самураю, в доспехах клана Симадзу, после их поединка у брода через реку Абукума. Тот тоже был непоколебим. И тоже проиграл. Но тогда уважение было предсмертным ритуалом. А сейчас... сейчас камень будет лежать в канаве, обрастая мхом, и через год в его трещине поселится мушка. И это – гораздо лучше. Затем взял лопату и приступил к засыпке ямы.

– Лопато-дзюцу торжествует, – пробормотал он, и в углу его рта дрогнуло подобие улыбки. – А может, это и есть истинный путь воина в мирное время... Облагородить канаву, закопать врага и сделать дорогу ровной.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.